

Границы и приграничное сотрудничество в России как результат глобализационных вызовов

Borders and cross-border cooperation in Russia as a result of globalization challenges

УДК: 332.13 (100)

С. В. Кузнецов, Институт проблем
региональной экономики РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

Н. М. Межевич, Институт проблем
региональной экономики РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

С. А. Ткачев, Коми республиканская академия
государственной службы и управления
(Сыктывкар, Россия)

S. V. Kuznetsov, The Institute of Regional Economy
Problems of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

N. M. Mezhevich, The Institute of Regional Economy
Problems of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

S. A. Tkachev, State Institution of Higher Education
«Komi Republican Academy of State Service
and Administration» (Syktyvkar, Russia)

В статье исследуется эволюция статуса и функций границ национальных государств под влиянием процессов глобализации. Целью исследования является анализ концепций суверенитета в меняющихся внешних условиях и соотношение их эволюции с изменением функций и статуса границ. Выявлены новые трактовки суверенитета, как категории определяющей модели экономического развития. Показана роль экономики в формировании подвижных, многофакторных, неустойчивых границ. Проведена диагностика ключевых характеристик процесса глобализации оказывающих системное воздействие на характер развития приграничных районов. На ее основе предложена типология приграничных регионов Европы, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие приграничных регионов России.

Ключевые слова: национальное государство, трансграничное сотрудничество, суверенитет, глобализация, региональное развитие.

The article explores the evolution of the status and functions of borders. The aim of the study is to analyze the concepts of sovereignty in changing external conditions and to correlate their evolution with the changing functions and status of borders. New interpretations of sovereignty as categories of the determining model of economic development are revealed. The role of the economy in the formation of mobile, multifactor, unstable borders is shown. Diagnostics of key types of

the globalization process that have a systemic effect on the character of the development of border regions has been carried out. Based on this, a typology of the border regions of Europe is proposed, which have an impact on the social and economic development of the border regions of Russia.

Keywords: national state, cross-border cooperation, sovereignty, globalization, regional development.

Введение

Государство как теоретическая категория и объект исследований предполагает обязательность наличия границы. Изучение государства в современных условиях возможно с различных теоретических позиций. Авторы считают концепцию транснационалистов наиболее соответствующей задачам исследованиям и авторской позиции.

К числу ключевых характеристик процесса глобализации в контексте данного исследования можно отнести следующие:

1. Отрицание универсальности ценностей суверенитета; противостояние, конфликт суверенитета и ненациональных акторов, сетевых по своей природе (сетевых сообществ, сетевых организаций).

2. Развертывающаяся тенденция к размытию границ между внутренней и внешней политикой.

3. Рост международной активности регионов, усиление их непосредственного влияния на международную жизнь.

4. Возрастание числа и разнообразия состава акторов на мировой политической арене (регионы, сепаратистские силы, религиозные течения, экологические партии, транснациональные корпорации);

5. Изменение в содержании угроз международному миру и расширение понятия безопасности на ее «мягкие» аспекты;

6. Объективное усиление проницаемости границ.

7. Резкий рост интенсивности и объемов межгосударственных перетоков капиталов, информации, услуг и трудовых ресурсов;

8. Формирование международных субрегиональных союзов, проявляющееся посредством интеграции между государствами и децентрализацией внутри них;

9. Возрастание роли глобального управления, перераспределение властных функций с национально-государственного уровня на глобальный;

10. Появление и быстрое распространение «идеологии глобализации» представляющей из себя систему установок, ориентированных на выработку аргументов в пользу руководящей роли цивилизационного центра (т. е. США и в какой то мере другие государства «большой семерки») в деле неизбежного объединения мира;

11. Формальная демократизация международных отношений и процессов внутренней политики, базирующаяся на постиндустриальных ценностях в сочетании с ее принудительным экспортом.

Транснационалисты сформировали собственное видение и понимание международных отношений, подразумевая под ними «...все виды взаимодействий между базирующимися в пределах государства субъектами, осуществляемые с пересечением государственных границ». (all interactions between state-based actors across state boundaries) [13]. При этом понятия «международное» и «трансграничное» для них являются тождественными.

Национальные государства сегодня испытывают все возрастающее давление многочисленных внутренних и внешних вызовов. С внутренними проблемами каждое из них разбирается самостоятельно в пределах своих границ либо изменяет границы. Внешние же вызовы в период пост-вестфальской эпохи подразумевали прямое вмешательство в дела суверенно-

го национального государства, а следовательно — нарушение его границ. В современных условиях возникла необходимость переосмысления принципа самоопределения, отказа от догматических постулатов Вестфальской системы международных отношений, предполагающих абсолютный приоритет государства над интересами различных национальных сообществ. Следует придать правовой статус разным формам организации национального сообщества, занимающим промежуточное положение между территориальным суверенитетом и автономией. Кроме того, как показывает практика, настоятельно возникла необходимость выработки новых принципов регионального устройства национальных сообществ, не имеющих собственного государства (проживающих в ряде государств). Современное государственное управление имеет все возможности для этого. Безусловно, это предполагает соответствующую адекватную оценку статуса границы как государственного института. Также очевидно, что требует серьезного пересмотра система норм права, регулирующего международные отношения: теракт 11 сентября 2001 г. в США наглядно продемонстрировал наличие значительных пробелов в действующем международном праве. Это событие в какой-то мере можно воспринимать как попытку атаки на государство без преодоления его границы.

Можно предположить, что нынешнее столетие будет ознаменовано противостоянием двух тенденций: стремления сохранить и защитить свой суверенитет национальными государствами и возрастания количества попыток игнорирования государственных границ вследствие активизации процессов глобализации и деструкции ялтинской системы международных отношений.

Статус государств как участников процесса международных отношений постепенно эволюционирует. Этот процесс имеет значимое историческое измерение. Период времени с середины XVII в до окончания XX столетия может быть нами охарактеризован как «золотой век государств». Вполне объяснимо, что в рамках Вестфальской системы основным институтом сохранения суверенитета для централизованного территориального государства стала государственная граница. Национальное государство при — это государство территориаль-

ное, власть которого базируется на контроле за определенной местностью.

По мнению С. Роккана и Д. Урвина после Второй мировой войны на страны Западной Европы влияли три процесса изменений, протекавших параллельно.

1. Процесс сращивания и взаимопроникновения экономик этих государств и постепенное, но постоянное стирание государственных границ под влиянием диффузии послевоенных экономических идеологий;

2. Возрастание спроса на все виды ресурсов и ожиданий его удовлетворения, производительности труда вследствие его механизации во всех западно-европейских государствах: объем инфраструктурных затрат увеличился вследствие явно обозначившегося в этих странах социально-ориентированного вектора развития экономики;

3. Повышение активности в сфере мобилизационного развития периферийных районов и регионов и утверждение (или подтверждение) национальными меньшинствами требований культурной автономии и полномочий в принятии решений, касающихся данной территории [9, 10].

В этом контексте обращает на себя внимание реализованное стремление ряда унитарных государств к переходу на федеративное и квази-федеративное устройство (например, Бельгия, Великобритания, Испания). Данная тенденция сопровождалась возрастанием интереса к местной истории, изучению национальных языков и диалектов, региональной культуре. Как уже отмечалось, при этом европейский регионализм не предусматривает разрушения единого экономического пространства, снижения качества жизни, нарастания межрегиональных различий. Этот тип регионализма соотнесен с глобализационными процессами и интегрирован в них. Глобализация рынков, нарастание давления акторов субнационального уровня, бюджетный кризис, принявший всеобщий характер, способствовали этому, поскольку ограничивали возможности национальных правительств в сфере перераспределении средств и контроля. Объединение Германии, развал Советского Союза и Варшавского договора, хаотические территориальные размежевания на Балканах снова поставили Европу в фокус конфликтных ситуаций и напряженности [2].

Таким образом, в современном мире межрегиональные отношения развиваются под влиянием ряда конкурирующих процессов: автаркии, сепаратизма, регионализации с одной стороны, сотрудничества, интеграции и глобализации с другой стороны. Местом столкновения этих тенденций является практически весь мир, за исключением т. н. «исключенных стран». Однако особую роль играют границы, являясь своеобразными индикаторами степени открытости страны и потенциала влияния глобализационных процессов.

Границы в условиях взаимодействия глобализации и национальных государств

Глобализация все в большей степени утверждает свой приоритет перед государственным суверенитетом. Дееспособность правовых и организационно-управленческих институтов, формирующих и реализующих принципы функционирования суверенного государства в свете глобализационных процессов постепенно утрачивают актуальность. Государство сегодня далеко не всегда является основным объектом политико-административного исследования, хотя нельзя не учесть того, что он никогда не являлось единственным актором в международных отношений. Такую исключительность ему придавала теоретическая модель, построенная на основе вестфальской интерпретации системы международных отношений. Однако, несмотря на то, что государство теряет эту роль, но происходит это постепенно и вероятно займет не одно десятилетие и даже столетие.

Тем не менее, сегодня в обществе существует согласованная позиция по поводу того, что государственные границы не смотря ни на что, продолжают оставаться важным объектом научных исследований. Качественные изменения на политической карте мира, произошедшие в последние десятилетия, актуализировали проблему важности межгосударственных границ. В условиях фундаментальных геополитических изменений конца прошлого столетия теоретический и фактический статус государственных границ вновь становится значимым объектом научного анализа. Являясь обязательной составляющей любой трактовки понятия «суверенного государства», границы всег-

да выполняли важную функцию в международных экономических и политических процессах.

Традиционное понимание границы предполагает линию, отмеченную на картах, одномерное отображение места, где кончается одно государство и начинается другое. Такая граница институт, учрежденный политическим решением и подчиняющийся действующему национальному законодательству. Управление традиционными границами (их положением и статусом) является орудием государственной политики, причем как в экономической, так и в политической, идеологической сфере. Экономические и политические возможности государства его практическая деятельность ограничена государственной границей.

В настоящее время ситуация меняется. Границы становятся динамичными, подвижными, они отличаются большой транспарентностью. Суверенитет и, соответственно, относительная автономия национальных государств постепенно теряют свою значимость, а это оказывает влияние и на сущность государственных границ. В обозримом будущем будут размываться и утрачивать значимость таможенные и валютные границы, служившие ранее правительствам национальных государств инструментами контроля над национальным богатством. Утрата правительствами возможностей такого контроля (включая контроль за пересечение границы большого количества людей, информации, товаров) влечет за собой изменение как самих государств, так и их границ.

Границы фактически являются объективным результатом набора социокультурных действий государства и общества. Применяя концепцию пограничной области вместо более формального понятия границы, мы можем получить более четкое понимание тех социальных процессов, которые проходят в пограничном пространстве [7]. Границы реальные и границы формальные не совпадают, они все более дифференцируются. П. Кругман и ряд его последователей отмечали то, что знания пересекают улицу легче, чем океан, но это относится не только к знаниям, но и товарам, трудовым ресурсам [5, 6]. Таким образом, граница не перестала существовать, изменилась ее форма.

Опираясь на формулу Георга Зиммеля, подчеркнем, что граница — это не столько пространственный объект, проявляющий социоло-

гическое действие, сколько социологический факт, принимающий пространственную форму. Не смотри на то, что граница всего лишь фиксирует отличия отношений элементов одной сферы между собой и элементов данной сферы и другой, тем не менее она становится живой энергией, которая смыкает (элементы каждой из сфер) и, подобно физической силе, которая излучает отталкивания в обе стороны, втискивается между обеими сферами [12]. Граница де-юре может перестать существовать на территории, но де-факто она остается в менталитете населения, его мышлении, сохраняется в человеческих воспоминаниях, привычках и традициях. По мнению Джозефа Камиллери, «мы живем в период перехода к новой форме гражданского общества, где нет ясно очерченных границ, базирующихся на принципе национальной идентичности» [4].

Наряду с официальными четко определенными границами сегодня появляются подвижные, размытые границы, которые имеют свои формы и особенности для разных сфер общественной жизни. Например, можно говорить о феномене идентификационных границ. Государственная граница России неоднородна, она может быть:

- а) ограничителем территориального «пространства безопасности» (boundaries);
- б) линией перехода на сопредельную территорию (borders);
- в) периферийной окраинной линией (margins);
- г) линией соприкосновения с соседями (frontiers);
- д) территорией, имеющей свою специфику, сформированную под воздействием тесного взаимодействия с соседями и мультикультурализма (borderlands) [3, 8].

Граница России и Белоруссии представляет собой некий промежуточный вариант между моделями «б» и «г». Граница России со странами Прибалтики (Эстонией, Литвой, Латвией), а также российско-польская и российско-грузинская границы представляют собой типичный вариант модели «а». Российско-казахская граница — моделей «г» и «д». Иначе говоря государственная граница одной страны с разными странами регулируется едиными правовыми нормами, определенными в соответствующих законодательных актах о статусе границы, но фактически имеет в каждом случае разный

политический и социально-идентификационный статус.

Попытки определить причины данного феномена дают основание для предположений о том, что такая полустатусность границы скорее всего является результатом постепенного изменения баланса сил между Россией и ее соседями, в том числе — оппонентами.

По мнению М. Эмерсона, Россия — «экспериментальная империя поневоле», потерявшая большую часть своего влияния на пространстве бывшего СССР, но все же оставшаяся сильным центром, и ЕС — «империя поневоле», постепенно присоединяющая все новые и новые территории на пространстве Европы. А поскольку эти две империи существуют в одном и том же географическом и политическом поле, то взаимодействие между ними неизбежно. Если есть центр, то есть и периферия. Проблема в случае с Россией и ЕС состоит как раз в том, что эти периферии частично совпадают [1]. В соответствии с градацией Эмерсона, «Регионы Пограничной Европы» делятся на:

- Четко очерченные периферии (т. е. области, где проходит четкий «водораздел» между двумя империями и не возникает вопроса о статусе той или иной территории),
- Интегрирующиеся периферии (т. е. государства, которые стремятся к интеграции с одной из двух империй),
- Разделенные периферии (т. е. государства, которые поддерживают связь с обеими империями),
- Частично совпадающие периферии (образования, в которых общины одной из империй окружены или находятся в положении анклава в другой империи [1]).

Различия по размеру между пространствами, находящимися в пределах юридической и ментальной границ государства могут быть весьма значительными. Более того, на некоторых участках государственная территория превышает пространство российской идентичности. Социально-экономическое пространство России может быть значительно меньше. Пространство российской экономики может быть как меньше, так и больше официальных российских границ.

С формальной точки зрения эти территории не имеют двойного подчинения и могут быть обозначены термином «предел». Территориально предел и граница часто не

совпадают. Данный феномен является проявлением так называемой концепции вспомогательной идентификации. Региональная идентификация в конкретном регионе определяется его границей. Но сложившаяся идентификация под влиянием различных факторов постоянно сдвигает или размывает границы или пределы. При этом приграничные регионы играют двойственную роль в пространственной организации государства, поскольку являются с одной стороны центром межгосударственных и приграничных взаимосвязей, а с другой стороны — периферией, окраиной страны. Но и будучи периферией, эти территории становятся центром региона, функционирование которого осуществляется по задаваемым границей правилам. В определенном смысле можно говорить о наличии так называемой региональной культурной гомогенности приграничья, являющейся противовесом внутригосударственной гетерогенности.

Таким образом, социальный анализ феномена границ должен базироваться на понятии «приграничье» (borderland) не в традиционном его понимании (два соседствующих региона по разные стороны государственной границы), а как единое социальное пространство. Идентификация границы в разных местах может иметь разное значение. Помимо прочего это объясняется и тем, что многие границы возникли не как результат искусственного разделения территории, а сформировались в результате опоры на естественные рубежи природного и культурного характера, в результате чего стали самостоятельным социально-историческим феноменом.

Внешние факторы в региональном развитии России

Начало XXI века резко изменили сложившуюся картину экономического развития ведущих стран мира. Реальностью стали новые планетарные процессы интеграции в единое целое рынков, финансов, экономики, объединяемые в настоящее время в едином понятии глобализация. Причинами стремительного развития экономической глобализации, прежде всего, являются основные потребности современной экономики и общества: резко уплотнившийся рынок, усиление конкуренции, ограниченность основных ресурсов. Возникло новое раз-

деление труда предполагающее преодоление границ даже при производстве относительно простых товаров и услуг. Мировое экономическое пространство становится единым полем для предпринимательства, когда география размещения производительных сил, отраслевая структура инвестиций, производства, сбыта являют собой не просто определенный уровень интернационализации воспроизводственного процесса.

Этот процесс имеет определенные территориальные последствия. Джеффри Сакс в работе: «The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time» пишет о том, что окончание «холодной войны» положило конец разделению идеологий, однако на смену идеологическим различиям пришло разделение, основанное на технологии. Границы регионов, отличающихся технологическим развитием, не всегда совпадают с национальными границами [11]. Это положение относится и к России. В России существуют высокотехнологичные регионы с постиндустриальной экономикой: Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Калининградская область. За пределами этих территорий мы встречаем высокотехнологичные анклав: наукограды, приморские технологические парки, однако они территориально рассредоточены. Современная экономическая география России показывает то, что на западной границе, особенно в пределах Северо-Запада близость Европы является предпосылкой технологической модернизации.

На протяжении веков Россия развивалась как государство, существующее в условиях сознательного ограничения внешних влияний в экономической и политической жизни. Независимо от преобладания консервативной, либеральной или социалистической идеологии российские элиты с определенным подозрением относились к попыткам увязки национальной и западной модели развития. Однако в XXI веке провозглашенные цели развития России становятся осуществимыми лишь в условиях признания глобализации как движущей силы мирового развития.

Вступление России в многочисленные международные организации, длительная и трудная подготовка к членству в ВТО свидетельствует о противоречивости, но неизменности общего курса страны на интеграцию в мировое

хозяйство и сотрудничество с евроатлантической цивилизацией.

В советское время за граница воспринималось как нечто чуждое и враждебное. Граница соответственно выполняла барьерную, а не контактную функцию. Цивилизационный барьер разделял Россию и остальной мир, причем символом барьера была именно граница. Контакты и связи с миром осуществлялись на самом высоком уровне, приграничных и трансграничных связей практически не существовало. «Финский дух» или финские товары в Ленинградской области были столь же видны, как и в Магаданской области.

Сегодня ситуация меняется. На Балтике в российских регионах довлеют скандинавские и финские инвестиции. Города Северо-Запада участвуют в деятельности европейских и балтийских организаций. В Магаданской области закономерно разворачивается американско-тихоокеанское присутствие.

Россия попадает в разновекторное пространство интеграции. Опасно ли это для целостности страны можно ли развивать приграничное и трансграничное сотрудничество в целях укрепления государства или нет? Приемлем ли для нас западный опыт? Является глобализация только интеграционным процессом или она ведет к созданию нового регионализма?

Территориальные и политические особенности России всегда, особенно на современном этапе, предполагали признание значения региональных аспектов экономического развития. Сформировалось понимание регионального развития как совокупности управленческих действий, юридических норм и хозяйственной практики, направленных на обеспечение сбалансированного территориального развития при условии баланса экономических интересов государства и регионов. Такой подход не признающий значимую роль внешних связей и трансграничного сотрудничества в региональном развитии в СССР был традиционным. Ультра-вестфальское понимание экономического суверенитета в СССР предполагало игнорирование внешних факторов развития.

Лишь в последние годы, после изменения экономической практики, в России появились работы рассматривающие роль внешних факторов в региональном развитии России. Сложилось понимание того, что экономическое развитие любого российского региона опреде-

ляется не только характером эволюции национального хозяйства, но и многочисленными, разнонаправленными, внешними влияниями.

Реформы конца 80-х начала 90-х годов привели к тому, что центры принятия экономических решений, которые в СССР находились внутри страны, в ряде случаев оказались за пределами России. По итогам 90-х годов прошлого века выяснилось то, что значительное влияние на экономическое развитие территорий оказывают экономические субъекты, находящиеся за пределами государственных границ: иностранные государства и их регионы, международные организации, ТНК, программы трансграничного сотрудничества и т. д.

К началу века возникла ситуация, в рамках которой ряду приграничных субъектов федерации и муниципальных образований стало проще развивать отношения с регионами или муниципалитетами прилегающих стран, чем с соседними российскими региональными и муниципальными образованиями. Эта ситуация прослеживалась в Карелии, Калининградской области, Ленинградской области, Смоленской области, Белгородской области, Хабаровском крае и в перспективе могла возникнуть по всему западному и южному периметру российской границы. Очевидно то, что отмеченная тенденция означала потенциальный перехват управления региональным развитием внешними управляющими центрами. Это обстоятельство может быть связано как с позитивными, так и с негативными последствиями.

В результате кумулятивного эффекта взаимовлияния национальных и мировых факторов приграничность приобретает всё большее значение и выступает в качестве нового интегрального фактора территориального социально-экономического развития, обусловленного спецификой приграничья, является набор экономических характеристик ее периферии.

Власть изыскивает новые возможности для социально — экономического развития, но к настоящему времени уже сформировалось определенное качество территории, т. е. набор ключевых, инерционных по сути, характеристик экономического развития не способных к быстрому изменению. Большинство регионов России унаследовали характер и признаки развития из советского периода, т. е. индустриальной эпохи. Постиндустриальные признаки в региональном развитии характерны для сто-

личных регионов, приморских и приграничных регионов, нескольких сырьедобывающих регионов продукция которых уходит на экспорт. Таким образом, открытость внешнему миру создает возможность «включить» дополнительные ресурсы развития связанные с эффектом соседства, внешней торговлей, трансграничным сотрудничеством.

Использование внешних факторов развития является практически неизбежным т. к. если регионом исчерпаны прежние ресурсы развития и вместо них не привлечены новые, неизбежной становится деградация структуры экономики. По сути, деградация в таком случае становится завершающей стадией развития — той стадией, на которой прежняя структура прекращает существование и уступает место для новой структуры, не обязательно лучшей объективно, но соответствующей новым условиям развития региона.

В конце 90-х годов, в период дезинтеграции российскими экономико-географами был предложен интересный термин: «территориальная ткань страны». При этом в качестве важнейшей проблемы государственного развития было обозначено следующее: территориальная ткань страны, сшитая лишь из вертикальных связей, оказывается весьма неплотной и непрочной. В этот период прогноз казался далеким от жизни и не соответствующим текущим процессам. Однако сейчас мы можем с уверенностью отметить то, что «вертикальные связи» в государстве российском восстановить удалось. Проблема по-прежнему с «горизонтальными связями», одной из форм которых и является трансграничное сотрудничество в целом и приграничное сотрудничество в частности.

Трансграничное сотрудничество является частью общей практики государственного международного сотрудничества, но может рассматриваться как экономический механизм, использующий внешние ресурсы для достижения целей регионального развития сформулированных в национальной стратегии.

Приграничная торговля — вид международного товарообмена, осуществляемый предприятиями и организациями приграничных районов сопредельных государств на основе соглашений о торговле и платежах, а также ежегодных протоколов. Это относительно ограниченный вид международной торгов-

ли в виде товарообмена, осуществляемого торговыми государствами приграничных районов сопредельных государств на основе локальных соглашений о торговле и платежах, ежегодно заключаемых протоколов.

Она не может быть отнесена в целом к категории классической встречной торговли, потому что механизм приграничной торговли основан на том ведущем принципе, что она должна способствовать социально-экономическому развитию соседствующих территорий (регионов) двух государств, и предполагает установление особого, льготного режима ее осуществления, тогда как встречная торговля с такой целью не соотносится.

Трансграничное сотрудничество и новые границы России

Сегодня Россия переживает процесс, который можно назвать новой самоидентификацией границ. Под этим термином мы понимаем качественную переоценку восприятия границ. Анализируя практику современной региональной идентификации на приграничных территориях нетрудно заметить действие двух тенденций, влияющие на его конфигурацию и нередко порождающие конфликтные ситуации. Одна — тенденция универсализации социальных процессов; следствием её действия становится формирование нейтральных в отношении территориально-пространственного деления общества форм социальной организации.

Другая тенденция вероятно, преобладающая в современной России, — формирование неустойчивых многофакторных границ. Действие тех или иных социально-экономических процессов приводит к реконфигурации фактических границ. В ряде случаев целесообразно говорить о существовании двух различных понятий: «экономического пространства государства» и «экономического пространства национальной экономики». Под первым понимается территория, вмещающая множество объектов и связей между ними населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д. К необходимым признакам (и условиям) единого экономического пространства России (как и любого другого государства) отнесены общее экономическое законодательство, единство денежно-кредитной системы, единство таможенной территории и функционирование общих инфраструктурных систем (энергетики, транспорта, связи и т. д.) Важнейшими составляющими единого экономического пространства являются национальные (общероссийские) рынки товаров и услуг, труда, капиталов.

Во втором случае экономическое пространство выступает рыночной средой преодолевающей государственные границы или не полностью совпадающее с пространством государственной территории. При этом как в России, так и за рубежом пока не разработана в полной мере теория кооперации международных, трансграничных территорий.

Список литературы

1. Эмерсон М. Слоны и Медведь. Европейский Союз, Россия и их ближнее зарубежье. М.: CEPS, 2001. 76 с.
2. Border and Territorial Disputes // Ed. by J. Allcock, C. Arnold, A. J. Day London, 1992. P. XL.
3. Browning Christopher S., Joenniemi Pertti. The Identity of Kaliningrad: Russian, European or a Third Space? // Paper presented at the CEEISA/RISA/NISA Convention, Moscow, Russia, June 22, 2002. pp. 3—4.
4. Camilleri J. Rethinking Sovereignty // Contending Sovereignties. Redefining Political Community. Edited by R. B. J. Walker and Saul H. Mendlevits. Lynne Rienner Publishers. Boulder, London, 1990. p. 35.
5. Fujita Masahisa; Krugman Paul. The new economic geography: Past, present and the future. Papers in Regional Science 83(1), 2004. pp. 139—164.
6. Krugman Paul. Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy, Volume 99, Issue 3 (Jun., 1991), pp. 483—499;
7. Makarychev A. Prozorov S. The logic of piloting and trans-border regionalism: the project-oriented approach in EU-Russian cooperation // Danish institute for international studies DIIS Working Paper 2004/22 Copenhagen, 2004. p. 9.
8. Minghi Julian V. From conflict to harmony in border landscapes». In: The Geography of Border Landscapes // Edited by Dennis Rumley and Julian V. Minghi. London & New York: Routledge, 1991. p. 15.

9. Rokkan S. *State Formation, Nation Building and Mass Politics in Europe*. Oxford, 1999, pp. 149—224.
10. Rokkan S., Urwin D. *The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism*. London: Sage, 1982.
11. Sachs Jeffrey D. *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. Penguin Press New York 2005.
12. Soziologie des Raumes Simmel G. // Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 7 / Hrsgg. v. Rüdiger Kramme, Angela Rammstedt und Otthein Rammstedt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. pp. 132—183;
13. *The Penguin Dictionary of International Relations*. Graham Evans, Jeffrey Newnham. L., 1998. 274 p.

References

1. Emerson M. *Slon i Medved'. Evropejskij Sojuz, Rossija i ih blizhnee zarubezh'e* [The elephant and the bear: the European Union, Russia and their near abroads]. M.: CEPS, 2001. 76 p.
2. *Border and Territorial Disputes* // Ed. by J. Allcock, C. Arnold, A. J. Day London, 1992. P. XL.
3. Browning Christopher S., Joenniemi Pertti. *The Identity of Kaliningrad: Russian, European or a Third Space?* Paper presented at the CEEISA/RISA/NISA Convention, Moscow, Russia, June 22, 2002. pp. 3—4.
4. Camilleri J. *Rethinking Sovereignty // Contending Sovereignties. Redefining Political Community*. Edited by R. B. J. Walker and Saul H. Mendlevits. Lynne Rienner Publishers. Boulder, London, 1990. p. 35.
5. Fujita Masahisa; Krugman Paul. *The new economic geography: Past, present and the future*. *Papers in Regional Science* 83 (1), 2004. pp. 139—164.
6. Krugman Paul. *Increasing Returns and Economic Geography* // *The Journal of Political Economy*, Volume 99, Issue 3 (Jun., 1991), pp. 483—499.
7. Makarychev A. Prozorov S. *The logic of piloting and trans-border regionalism: the project-oriented approach in EU-Russian cooperation* // Danish institute for international studies DIIS Working Paper 2004/22. Copenhagen, 2004. p. 9.
8. Minghi Julian V. *From conflict to harmony in border landscapes*. In: *The Geography of Border Landscapes* // Edited by Dennis Rumley and Julian V. Minghi. London & New York: Routledge, 1991. p. 15.
9. Rokkan S. *State Formation, Nation Building and Mass Politics in Europe*. Oxford, 1999, pp. 149—224.
10. Rokkan S., Urwin D. *The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism*. London: Sage, 1982.
11. Sachs Jeffrey D. *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. Penguin Press New York 2005.
12. Soziologie des Raumes Simmel G. // Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 7 / Hrsgg. v. Rüdiger Kramme, Angela Rammstedt und Otthein Rammstedt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. pp. 132—183.
13. *The Penguin Dictionary of International Relations*. Graham Evans, Jeffrey Newnham. L., 1998. 274 p.

Для цитирования: Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Ткачев С. А. Границы и приграничное сотрудничество в России как результат глобализационных вызовов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2017. № 4. С. 68—76.

For citation: Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M., Tkachev S. A. *Borders and cross-border cooperation in Russia as a result of globalization challenges* // *Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University*. 2017. № 4. P. 68—76.